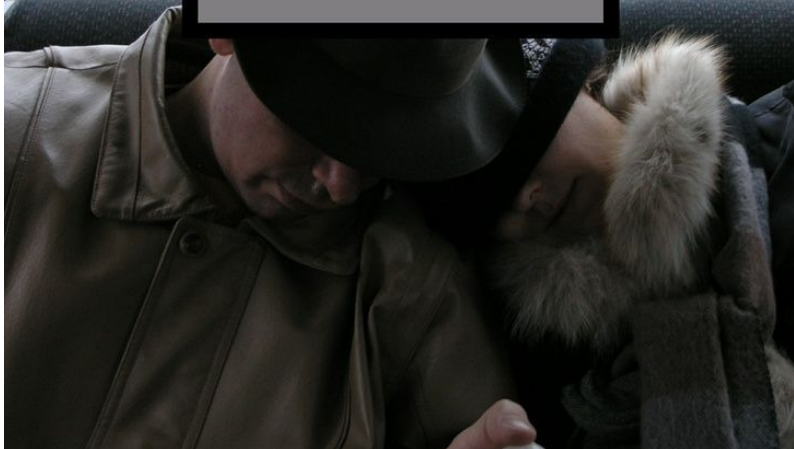

18+

Олег Молоканов

**Куряне и
хуторяне,
или Уткин
удружил**

Сборник рассказов

Олег Молоканов

Куряне и хуторяне, или Уткин удружил. Сборник рассказов

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=18913789

ISBN 9785447486457

Аннотация

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. О нашей с вами современности. В данной книге впервые собраны воедино рассказы, публиковавшиеся ранее разрозненно и в самых разнообразных изданиях. Отдельное спасибо Владиславу Молоканову за фото для обложки. Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

Куряне и хуторяне, или Уткин удружил
Конец ознакомительного фрагмента.

5
64

Куряне и хуторяне, или Уткин удружил Сборник рассказов

Олег Молоканов

Фотограф Владислав Молоканов

© Олег Молоканов, 2016

© Владислав Молоканов, фотографии, 2016

ISBN 978-5-4474-8645-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Куряне и хуторяне, или Уткин удружил

I

В то злосчастное утро Костян Матвеевич, в быту мужчина резвый, работающий и, если припрет, заводной прямо как гоночная машина, проснулся в совершенно разобранном состоянии. Мало того что его мутило и болела башка, так еще где-то внутри точило чувство вины: оно всегда по неизвестной причине поселялось в нем после пьянок. И еще Костяна Матвеевича тяготило предчувствие, что вот сейчас он встанет – и произойдет что-то гадостное. Кряхтя, он несколько раз перевернулся с боку на бок на собственноручно сколоченном топчане, сел, сунул ноги в чуни – так у них в деревне называли обрезанные по щиколотку валенки – и на поддрагивающих своих ходулях пошел на кухню к умывальнику. Шторы во всем доме были задернуты, и что там на улице за погода – солнце или, как вчера, тучковато – он не знал. «Сейчас выжму болт – а воды-то внутри нет», – подумал он, толкая железяку вверх. Однако вода в умывальнике была. Скорее всего, ложась ночью, он на автомате вылил в него остатки из ведра. Держа одной рукой болт приподнятым, чтобы струя текла постоянно, другой Костян Матвеевич промыл воспаленные глаза, залез пальцами в нос, высморкал от-

туда засохшую нечисть и незряче потянулся за зубной щеткой. Однако мысль, что так он не сможет толком подготовить щетку – ведь надо открыть тюбик и нанести пасту, – заставила его приподнять веки и взглянуть на себя в зеркало.

– Ёх-тибидох! – только и вымолвил Костян Матвеевич. На верхней губе, прямо посередине, во всем своем уродстве вылупилась то ли безволосая родинка, то ли бородавка размером с драже.

– Ёж твою мать! – еще раз выразился Костян Матвеевич. Чистым матом, надо заметить, он никогда не ругался, всегда уалировал мат, хотя сейчас для крепкого выражения было самое время. – Откуда она, поганка, взялась?

Костян Матвеевич начал ощупывать вздутие пальцем: боли не чувствовалось никакой. – Гадом буду, бородавка! – от бессильной злобы у него даже слезы навернулись, – вчера ни буя ведь не было!

Он заставил себя успокоиться и начал вспоминать поэтапно: «Вчера пили у меня в бане с Шуркой Лысым и с Виталиком. Две поллитры на троих и пластиковую баклажку пива. Это сперва. Потом я в простыне до дома дошел, еще две водки притаранил. И банку тушенки на закуску. Они вторую пива вытащили. В предбаннике лежала, в ведре с водой холодной... Я тушенку стал открывать... Песец, вспомнил!

Чтобы картина стала понятнее, начнем, как положено, с самого начала. Деревня Лопухи, где жил Костян Матвеевич – или просто Матвеич, а то и просто Костян: местные

звали его либо так, либо сяк – отличалась от других полузаброшенных селений российского Черноземья, где народ частью поумирал, а частью рассосался по городам, одной любопытнейшей деталью. Собственно, и злоба Матвеича на губу, вздувшуюся по невесть какой причине, происходила из-за того, что он ждал в гости очень влиятельных людей из областного центра. Они проявляли жгучий интерес к их деревне, а если еще более конкретно – к нему самому как к герою целого цикла телепередач, и на днях собирались заявиться в Лопухи со съемочной группой. Теперь эта перспектива накроется медным тазом, потому что болячка, или что это вообще такое, превращает всю затею просто... ну просто в помой!

Лопухи – откуда такое название? да все просто: в деревне росло несметное количество лопухов – восстановили из пепелища в первые годы после войны, к концу сороковых. То ли неприятель ее сжег, то ли она сама сгорела – теперь уже неважно и неинтересно. Важно, что на месте отстроили под сотню новых домов, неподалеку процветал Курск, областной центр; люди вовсю работали, рожали детей, в Лопухи провели электричество, водопровод, газ, даже о телефонизации заикались, но с последней пошли всякие проводочки – и в результате, когда на свет появилась мобильная связь, вопрос с телефонами сам собой отпал. Все пошло наперекосяк в девяностые, с переходом страны на новые общественные рельсы. Работать стало негде; поколение основате-

лей, что заселило заново отстроенную деревню, по возрасту сыграло в ящик. Число жителей резко поредело. Дети основателей, ровесники Костяна Матвеевича – а ему было сорок пять – подались в места, где есть работа. И сейчас, если брать состав проживающих, то в Лопухах их осталось только семеро: четыре бабки – Ольга Иванна, Прасковья, Зинаидка и Альбинка-Фартук, – для удобства будем называть их тем же образом, что звал их сам Костян Матвеевич, и три мужика: вся троица накануне выпивала в бане у будущего телегероя.

Начнем с бабок. Если говорить начистоту – в биологическом смысле бабками язык их назвать вряд ли повернется. Лопухинцы мужского пола, использовавшие это слово сугубо в беседах между собой, сами-то были ненамного младше. Важен и тот факт, что все семеро знали друг друга с детства и росли друг у друга на глазах. И, конечно же, если ты еще подросток, а односельчанка тебя старше всего на пару лет – она уже в твоих глазах «баба». Ничего с этим не поделаешь, так повелось. Короче, раз Ольга Иванна, Прасковья, Зинаидка и Альбинка-Фартук еще с молодых ногтей считались в глазах Матвееича, Шурки и Виталика бабами, значит, сейчас превратились в бабок – все логично. Скорее, в слово «бабки» все трое вкладывали – как бы это назвать? – скорее дружеские, свойские нотки, а не прямой смысл. Да, это были женщины возрастом за пятьдесят. Да, от скудости средств и житейских невзгод, а также от невозможности посещать

солярии, косметологов и сражать всех наповал – хотя кого в Лопухах сражать! – они, что греха таить, потеряли лоск. Тем более все были незамужние: кто по несходству характеров развелся, у кого супруг коньки отбросил от пьянства, у кого за длинным рублем подался, да так и не вернулся... А они вот, не найдя себе применения, в старом житейском укладе остались.

Все четыре бабки жили на пенсию, кормились огородом и собственной домашней живностью, к каждой периодически приезжали родственники и оставляли денег на хозяйство; если долго не навещали – присылали деньги по почте, – в общем, перебиться можно было вполне. Оставалась проблема с мужской лаской – возраст-то не предсмертный! – но и ее решили любопытным способом, хотя об этом чуть позже.

Ольге Иванне было пятьдесят семь. В девяностых годах, в расцвет передела собственности, ее муж основал в Курске фирму по сбыту стройматериалов и всю неделю торчал в облцентре, возвращаясь к жене только на выходные. Дела шли в гору, он открыл сеть офисов под Москвой, просил жену пожить еще чуть-чуть дома, в деревне, пока он окончательно не наладит бизнес – и на этом их супружеское житье-бытье закончилось. Муж нашел себе в Подмосковье молодую краля, а с Ольгой Ивановной развелся, но зато теперь из-за угрызений совести каждый месяц присылал ей приличные деньги. Среди бабок это была самая обеспеченная и самая ухо-

женная особа, поэтому Костян и называл ее по имени-отчеству, с уважением: Ольга Иванна.

Судьба Прасковьи и Зинаидки сложилась очень похоже, да и сами они чем-то походили друг на друга. Обоим было явно за «полтинник», но точный свой возраст они скрывали. Почти одновременно вышли замуж за лопухинских ребят и быстро развелись: как говорится, не сошлись характерами. Имели детей, которые теперь работали далеко, а Зинаидкин сын аж за границей, – и обе помимо пенсии получали от отпрысков какую-никакую финансовую помощь.

У Альбинки муж спился. Работал он электриком, а так как занятости по основному профилю было мало – ну что, часто линия в деревне рвется? разве что в сильную грозу... или, например, в трансформаторной будке что подладить? так это от силы пару раз в месяц, – то Альбинкин муж чинил местным жителям все, что только работало от электричества: плитки, обогреватели, фены, фонарики, вентиляторы, садовые косилки, ну а плату... Какую, к черту, плату возьмешь со своих? Все вместе выросли, знают друг друга как облупленные. Вот и рассчитывались – кто стакан нальет, кто поллитра в карман сунет, самые душевные за стол позовут... Спился. Не сказать чтобы быстро: лет, наверное, за пятнадцать. По пьяни и ласты склеил. Шел однажды зимой с другого конца деревни домой – опять что-то починял и натурой взял, нажрался то есть – и замерз прямо на улице. Поскользнулся и не встал. И главное, Альбинка-то хватилась его ра-

но, день был, часов пять. Правда, к пяти зимой уже темно, вот в чем беда. Смотрит в окно – темень, мужа нету, пойду, думает, поищу, мало ли что? Эх, чего уж прошлое ворошить... Нашли на улице уже остывшего. А кличку Фартук ей дали за то, что очень о муже пеклась: все боялась, что он выпить-то выпьет – а толком не закусит, и ставь ему потом дома тазик к кровати, чтобы жижу пьяную выблевал и комната чтобы не кружилась в глазах. Одним словом, если ляжет пьяный – проблем не оберешься. А муж как раз и не любил спиртное закусывать. Без закуски, говаривал он, «оно лучше взлохматит». Вот и носила Альбинка поверх одежды толстый матерчатый фартук с карманами, а в карманах и бутерброды тебе, и яблочки, и пирожок... Если муж на участке ковыряется или в сарае и пьет между делом – так она туда со своей снедью. Если от соседей идет-шатается – на улице его поймает, под руку возьмет и из фартука что-нибудь в рот обязательно сунет. Альбинка и по сей день в теплое время года ходила в фартуке – по привычке, видать. И носила по-прежнему в нем съестное, только уже не закуску для мужа, а всякие дешевые сладости для себя самой. Сунет руку в один карман – витаминкой угостится, сунет в другой – леденчиком. Ну, а если про ее нынешние доходы говорить – так это слезы одни. Кроме пенсии никаких денег она не имела. Единственный ее плюс был в том, что выглядела она моложе всех из женской четверки.

...Матвеич вспомнил, что всему виной вчера была, ско-

рее всего, банка с тушенкой. Надо было открыть ее быстро, потому что эти два долбоё... два козла уже разлили дозу по стаканам и взглядами торопили хозяина, из-за чего тот всадил открывалку в металл, особо не церемонясь. В результате всей этой спешки на крышке банки образовались большие и острые зазубрины. Он заглянул под крышку и решил слизнуть прилипший к ней изнутри кусок мяса, чтобы добро не пропадало, – и вот тогда-то проткнул губу. Точно, кровь долго текла. А потом, видать, зараза в порез попала. И вот результат. «Значит, это бородавка у меня, ёхен-мохен», – заключил Матвеич, пялясь в зеркало. «Что ж делать-то?»

– Костян! Ты готов? Мой день сегодня! – ухнул во дворе женский голос. «Ольга Иванна!» – пронеслось в голове у полухмельного Костяна Матвеевича. «Ох ты, неудобно как! На роже черт те что, и эти, небось, в бане еще спят! Срам!» Но делать было нечего.

– Заходи, Ольга Иванна! – пришлось крикнуть в ответ.

Снаружи открылась дверь, и в зашторенную наглухо кухню прорвались лучи июльского солнца. Матвеич аж зажмурился. Ослепленный, он только в общих чертах разглядел знакомый мощный силуэт. Ольга Иванна подошла, остановилась в шаге от него и, подбоченясь, резюмировала:

– Хорош! Опять в бане лакали?

– В ней, а где ж еще? – прохрипел Матвеич.

– И эти упыри там спят, конечно.

– Я не смотрел. Наверное, там.

– Что это у тебя на губе вскочило?

– А хорь его знает. Простуда или, может, зараза. Я в зеркало смотрел – еще не понял толком.

– Ладно, целовать тебя все равно не буду – пошли в комнату. Ты хоть в состоянии, друг сердешный?

– Пошли, пошли, – засуетился Матвеич. Когда я тебя подводил?

На топчане, с которого он только что встал, Матвеич отработал на Ольге Иванне свою мужскую обязанность. Секс для него, когда визиты бабок уже долгое время наносились по четко установленному графику, действительно стал сродни работе, отлаженной и неспешной. Сдерживая эякуляцию, пока партнерша не задержалась и не захрипела, и только после этого дав выход семени, Матвеич вынул свой мужской инструмент из Ольги Ивановны и мастеровито обтер его краем простыни.

– Ну что, довольна, Ольга Иванна? – спросил он.

Ольга Иванна, прикрывая шалью, в которой заявила к Костяну Матвеичу, большущую грудь, выдохнула и сказала:

– Еще как! Вишь, один ты муж у нас. Захомутала бы тебя навсегда, да перед бабами неудобно. Осрамят, а то и дом сожгут. Иди к свету, губу твою посмотрим.

II

Итак, особенностью деревни Лопухи был тот факт, что

сексуальные потребности всех четырех бабок вынужден был удовлетворять один Костян Матвеевич. Чтобы понять причины, побудившие четырех неглупых женщин вступить в сговор и по очереди обслуживаться у одного и того же мужика, не строя при этом никаких иллюзий насчет брака и никаких козней друг против друга, нелишне рассказать обо всем с толком и с расстановкой.

Как мы уже упоминали, Матвеич был мужчина здоровый и резвый как в работе, так и в любого рода развлечениях, где нужна выносливость. Если считать пьяные посиделки развлечением, то данный факт могут подтвердить Шурка Лысый с Виталиком. Пили они, собираясь втроем, нечасто, но ударно. Под конец вечера даже память у всех отшибало, хотя данное обстоятельство беспокоило одного только Костяна Матвеича. Ему в отличие от этих двух алконавтов следующий день предстояло проводить в делах, а с большого бодуна собрать самого себя было ох как непросто... Однако наутро силы у Костяна Матвеича пока еще находились. По правде говоря, он бы вообще не втягивался в эти посиделки, да вот Шурка с Виталиком... Не убавить тут и не прибавить — да, оба ежедневно обнимаются с бутылкой; но вот если Матвеич начнет их сторониться, они же оба и обвинят его во всех смертных грехах. В каких? Да хотя бы в пренебрежительном отношении. И не к кому-нибудь, а к своим друзьям детства, «последним из могикан» в этой богом забытой деревне! И в этих упреках будет доля истины. Костян Матвее-

вич не мог, хоть и приходились эти пьянки ему в тягость, послать Лысого с Виталиком куда подальше. Ведь на такой замкнутой территории от них все равно не скроешься... Лучше уж общаться, чтобы беду на себя не накликать.

И Шурка и Виталик были на пяток лет старше Матвеича, и, говоря по правде, никакими друзьями для него в детстве не были. В школе они вообще Костяна не замечали, а потом, когда он вырос, то влился в совсем другую компанию. Другое дело, что ровесники Костяна теперь уехали и обитали вдалеке от родных мест. А за плечами у Шурки и Виталика остался строительный техникум, и каждую весну они оба уезжали в Курск, где нанимались на городские стройки, но чаще шабашили на дачах у новых русских. Их работа прекращалась только с осенними дождями и заморозками. Запасшись за строительный сезон деньгами, Шурка и Виталик обеспечивали себе прокорм и пропой до следующей весны. Далее процесс повторялся. Сейчас в халтуре – несмотря на самый разгар сезона – возникла непонятная пауза, и оба торчали в Лопухах, готовые по первому зову собрать шмотки и ринуться на новый объект. Собственно, из-за своего вынужденного безделья они и уговорили вчера Матвеича «посидеть в бане», где спали сейчас тяжелым сном. Почему бабки обходили их стороной и предпочли отдаваться одному Матвеичу – вопрос объяснимый.

В понимании женской четверки Костян был совсем мальчиком – всего-навсего сорок пять, – а кто как не увядающая

женщина поднимается в собственных глазах с юным любовником? Возможно, Шурка с Виталиком оказались не у дел, так как вся эта сексуальная катавасия завершилась прошлым летом, а в тот момент они оба шабашили на стройке. В их отсутствие механизм был не только запущен, но и окончательно отработан. Наверное, бабки решили, что лучшее – враг хорошего, и с возвращением дружков в Лопухи не стали ничего менять.

Как все это произошло? Очень просто. Ольга Иванна, когда у нее в один прекрасный день все так закипело от желания побыть с мужчиной, что по щекам даже слезы покатились, плюнула на гордость и отправилась к Матвеичу. Тот ковырялся на участке: разводил краску, собираясь освежить входную дверь своей – той самой – бани. Подойдя и не говоря ни слова, Ольга Иванна затащила Матвеича внутрь постройки, и таким образом начало было положено. Он и не сопротивлялся даже, настолько был ошарашен. Да и потом мощная в теле Ольга Иванна тайно нравилась ему; плюс ко всему она крепче всех финансово, даже, наверное, крепче чем он сам, стояла на ногах благодаря деньгам сгинувшего мужа. За это он ее особо возвышал, так как тоже стремился к достатку.

Визиты Ольги Ивановны теперь наносились регулярно и не остались незамеченными. Другие бабки, испытывавшие такую же жгучую потребность, начали выпрашивать у нее, что к чему, и в ответ – наряду с признанием в отсутствии

силы воли – получили о Матвеиче хвалебные отзывы. Далее все получилось как-то само собой. Выпив однажды крепленого вина и заручившись благословением нежадной Ольги Ивановны, бабки скопом пришли к Матвеичу и изложили суть проблемы. Переговорщиком выступила сама Ольга Иванна, и понятно почему: право первооткрывательницы принадлежало ей, вот ей и карты в руки. Можно утверждать, что только по ее милости Прасковье, Зинаидке и Альбинке тоже перепало. Костян Матвеевич, услышав, что бабки будут теперь ходить к нему по графику, установленному Ольгой Ивановой, озабоченно крикнул и почесал затылок. Но по доброте душевной смирился: раз надо – значит надо. Договоренность скрепили распитием бутылки водки из кладовки хозяина и распрощались. На следующее утро лечь на Матвеичев топчан надлежало Прасковье. И с тех пор пошло-поехало.

...Когда по осени Шурка и Виталик вернулись со стройки, они, конечно, были огорошены положением дел. Разумеется, был у них и разговор с Матвеичем: почему, дескать, они остались ущемленными, они, мол, тоже не прочь – что это за байда? Костян Матвеевич честно ответил, что инициаторами нововведения стали сами бабки, а если точнее, Ольга Иванна. Хотите, говорит, идите к ней и разбирайтесь. Шурка с Виталиком хоть и были в тот момент пьяные и куражистые – не пошли, потому что побаивались Ольгу Иванну и понимали, что для нее они не авторитет. Больше на эту тему они не заикались, а если у них порой и просыпалось

желание обладать женщиной – проблема снималась водкой и пивом.

Еще одним козырем Костяна Матвеевича была его хозяйственность. От женских глаз ведь ничего не утаишь, тем более в деревне: если ты лакаешь винище как не в себя, если двор твой травой зарос, а дом покосился и стоит некрашенный – кто же это проглядит? У Матвеича все было безупречно. Да, пару раз в месяц он отрывался с алкашами-шабашниками, ну и что? Им ведь тоже есть что обсудить и вспомнить, земляки как-никак. К тому же Матвеич для бабок всегда был под рукой, никуда из Лопухов не уезжал и уезжать не собирался. Причем прямо здесь, в деревне, без всякой помощи он умудрился наладить дело, приносящее реальные деньги!

Костян Матвеевич занимался медом. Ульи у него стояли на южной окраине Лопухов, там как раз было густое разнотравье и хороший лес. В смысле барышей сезоны случались разные, но определенный твердый доход Матвеич имел. Мед он собирал и хранил в двадцатилитровых флягах на террасе, в прохладе, причем и ездить-то его сбывать ему не надо было. Клиенты из Курска приезжали сами, расплачивались сразу за несколько полных фляг и уезжали. Единственное, что было необходимо – заказать по телефону, когда продажи заканчивались, доставку из города новых бидонов на следующий сезон. Ульи отнимали немало времени, но за долгие годы Костян Матвеевич привык. Он знал, что его бизнес не подвержен катаклизмам. Люди могут изобрести новые

энергоносители и перестать торговать бензином – тогда весь нефтяной бизнес рухнет. Люди могут выдумать новый вид искусства и отказаться от книг, кино и телевидения – тогда всем работникам культуры станет не на что жить. Но от водки, хлеба и меда на его родине, да и вообще в стране, люди не откажутся никогда. Нельзя сказать, что деньги Костян Матвеевич поднимал огромные – нет. Но их хватало на любые продукты, на одежду, машину он даже купил импортную. Понятно, что такой образцовый хозяин просто никак не мог остаться без женского внимания.

– Костян, так это бородавка у тебя! Ольга Иванна, отодвинув штору, внимательно рассматривала губу. Как же ты за одну ночь такую крупную заразу посадил?

– Банкой, ё-моё.

– Какой еще банкой?

– Из-под тушенки. В бане закусь открывал и порезался.

– Зубами, что ли, открывал-то? – усмехнулась Ольга Иванна.

– Открывалкой, – обиженно буркнул Костян Матвеевич. – Хотел слизнуть, там мясо к крышке прилипло. Порезал губу и получил вот заразу.

Ольга Иванна озабоченно заходила вокруг Матвеича.

– Слушай, что я скажу: позора теперь не оберешься с этими-то, с телевидения. Они когда – через неделю приезжают?

– Да вроде как.

– Короче, вот что. Давай звони другу своему. Уткину. Он

все затеял – пускай и меры принимает. Приезжает пускай, удаляет эту гадость хоть с доктором, хоть с кем – так тебе сниматься нельзя. Что зритель-то скажет? Вот, скажет, ма-чо-фигачо, крокодил, а не любовник! Скажут, прославиться захотели, туману напустили! А ты должен выглядеть как огурчик, понял, голова садовая?

– Ясен пень.

– Давай, гони из бани этих юродивых – и Уткину звони. Я здесь останусь, хочу узнать, что он решит. Чаю пока заварю крепкого, для тебя как раз оно самое. Иди.

Костян Матвеевич еще раз для проверки пощупал нижними зубами злосчастную выпуклость, вздохнул и пошел будить Шурку с Виталиком.

III

Степан Уткин работал журналистом в Курске и водил дружбу с Костей Матвеевичем уже почти год. Уткину было сорок, и, если учесть, что на одной и той же работе он подолгу не засиживался – нетрудно представить, сколько мест за свою карьеру он успел сменить. Начинал Уткин, как и большинство молодых журналистов, только-только получивших диплом, в мелкой заводской газетенке. Потом пошли молодежные газеты, работа на радио и на местных телеканалах. В Курске его знали практически все власть имущие и акулы бизнеса. Кто-то был знаком с ним непосредственно, кто-то заочно; о многих он писал статьи, делал радиопере-

дачи и телесюжеты; люди, желающие засветиться, старались держаться к нему поближе, водили с ним дружбу, зазывали в гости или отрывались с ним в зланных местах. Ну а те, кому он насолил – у журналистов такое случается даже не нарочно, всем не угодишь, – называли хамлом, паршивым журналюгой, толстоногой свиньей – ноги Уткина, надо сказать, действительно удивляли своими размерами – и так далее.

В период описываемых событий Уткин задался целью пробить в Курске собственную телепередачу и извлечь из этого проекта максимальную выгоду. Он давно уже мечтал о настоящей известности. И правильно! Сороковник как-никак. И ведь все атрибуты значительного человека у него имелись: и поступь тяжелая, и стать. А во весь рост в фигуральном смысле подняться никак не получалось. Ему прямо грезилось, что в городской администрации при рукопожатии властные мужи говорят ему не как сейчас – «Здорово, Уткин!», а – «Какие люди! Степан! Приветствую, приветствую!» А служащие женщины, которые из себя неказистые – те чтобы при встрече смиренно опускали голову; а вот те, у кого хорошая фигура и большая грудь – те чтобы смело и вызывающе смотрели в глаза, провоцируя на нечто запретное. Как-то вот так он себе это видел. Конечно, все это лирика; загвоздка была в хорошей передаче. Он и крепкую команду с телевидения мог сколотить, и зеленый свет от продюсеров был уже дан, только вот о чем сделать рейтинговую передачу – большой вопрос. Конкурс знатоков? Музыкаль-

ная программа? Спорт? Культура? Все это успешно делают в Москве, и народ с удовольствием смотрит. Уткин со своими скудными техническими возможностями и бюджетом центральным каналам в подметки не годится. Причем нужна не одна программа, а целый цикл, чтобы стать узнаваемым и раскрутиться. Что произойдет, когда цикл закончится – дело десятое. К тому времени имя начнет работать на Уткина и можно замутить что-то новое: зрительский интерес будет гарантирован. Итак, судьба долго не давала ему шанса, пасьянс складывался медленно, но в итоге все карты легли как надо. И вот как они легли.

За полгода до описываемых событий, сразу после январских каникул, Уткин притопал в курскую мэрию, где был частым гостем и знал буквально всех. Никакой конкретной задачи у него не было, просто визит вежливости: поручкаться с нужными людьми, расспросить про праздники, узнать новости, ну и, конечно, услышать от них фразы типа «Если надо что – приходи. Помогу чем смогу». Заручившись такими обещаниями, можно заходить в высокие кабинеты не раз и не два, даже без повода. В Комитете социальной защиты населения и опеки города Курска его целью было повидать председательшу, Веронику Кузьминичну Мухину, давнюю знакомую и в определенном смысле покровительницу. Когда Уткин вошел, Мухина стояла у окна с опухшим лицом, массируя веки. Отчего у нее такой вид, может, прихворнула или от слез – Уткин очень скоро узнал. Заведя за-

душевную беседу, он выяснил, что Вероника Кузьминична, в меру циничная, как любой администратор, но при всем при том добрейшая пятидесятилетняя женщина, чья жизнь с первым и единственным мужем шла к серебряной свадьбе, попала в классическую семейную передрагу. Накануне новогодних каникул ее ненаглядный, бизнесмен, сказал, что для блага фирмы ему придется «свозить пару нужных мужиков куда-нибудь в тепло». Новый год встретили вместе, а перед Рождеством Мухин-муж взял три путевки в Таиланд и ука-тил. Вероника Кузьминична из чисто женской подозритель-ности навела справки и узнала, что он действительно реги-стрировался у стойки вылета с двумя мужчинами, ей даже сказали, с кем именно. А там – на то он и Таиланд! – черт дернул эту троицу пойти вместе в бордель. Один из них взял да и забавы ради заснял «массажный сеанс» на мобильник, всего, может, пару фоток сделал – но каких! Три пьяных ка-бана на циновке в объятиях узкоглазых жриц любви, совсем еще девочек. И, как нередко бывает, про фотки забыл. До-ма, когда он вернулся, заснятое случайно увидела супруга. Как Вероника Кузьминична об этом ужасе узнала? Да про-ще простого: сор из собственной избы вынесла та самая ули-чившая. Взяла да и позвонила двум другим женам-жертвам. Мухина выгнала мужа из дома. Сейчас муж Вероники Кузь-миничны ютился в собственном офисе. Правда, там и диван, и кухня, и туалет с ванной – все есть, подытожила председа-тель Комитета социальной защиты, поминутно промакивая

глаза и отхлебывая минералку из бутылки.

– Представляешь, Степа, почти четверть века вместе! Четверть века! Отомщу. Бля буду, отомщу! – закончила она свою исповедь. И, тяжело вздохнув, добавила: «Ладно, буду я тут со своими бедами... Ты чего пришел-то?»

– Я уж и забыл. Ну и дела! Кошмар! – в свой ответ Уткин вложил максимум сострадания, хотя в душе ему почему-то было весело. – Да просто хотел нанести визит вежливости. Проведать. Праздники кончились, может, вы за новые соц-проекты взялись... Может, есть о чем написать или репортаж по ТВ забабахать...

– Новые проекты? Откуда? Просьбы, жалобы одни, денег мэр ни хера не дает, чтобы дыры заткнуть, а люди ведь денег только и просят: помоги, Вероника Кузьминична... Самой бы кто помог. Мухина всхлипнула, но уже скорее в довесок. – Дед вот до тебя приходил и говорит: «Дайте средства на новую челюсть. Я фронтовик, – говорит, – у меня юбилей скоро, хочу хорошую челюсть, чтобы за столом не стыдно улыбнуться было, а хорошая денег стоит. Я, – говорит, – и в гроб с ней лягу, когда час пробьет». Как его впустили-то сюда ко мне? Ни хера мышей не ловят! А ты, раз журналист, давай сам копай новости. У меня тут есть заначка из бюджета под телевидение. Найдешь остренькую затравку для репортажа или для передачи – приходи. Только чтоб с социальным уклоном!

Вот так и закончился тот визит Уткина в мэрию. Выйдя

на улицу и закулив на морозе, он заключил про себя:

– Да-а, где ее взять-то, остренькую затравку? Проблема...

...Прошло полгода, и как-то летним утром Уткин, чеша по своим журналистским делам, случайно проезжал мимо Лопухов – здесь его ничего не интересовало, он бы спокойно проехал этот полуживой населенный пункт – и проткнул колесо. Запаски у него не было. Оставив свой джип на проселочной дороге, Уткин постучался в первый попавшийся обитаемый дом, и дом этот был Матвеичев. Матвеич, мастер на все руки, поддомкратил и снял колесо, заклеил дырку, но, чтобы ехать дальше спокойно, Уткин вынужден был ждать какое-то время, пока клей возьмет резину намертво. Из сарая, где производился ремонт, оба перебрались на террасу дома. Костян Матвеевич был рад непрошеному гостю и угостил его чаем, а почему нет? В деревне скучно, это раз. Потом – гость из облцентра, тем более журналист. Ну, и как журналист Уткин расспросил его о жизни, о делах, а Матвеич обо всем вкратце поведал, да еще и на пробу литр меда Уткину отлил. Денег ни за колесо, ни за мед не взял, только сказал: «Мед хороший, зацени, может, клиентов мне подтянешь». – «Подтяну! – обрадовался Уткин, – тем более ты недорого просишь». – «Недорого, потому что это опт. Я меньше чем по двадцать литров не продаю. Одна фляга – это у меня опт считается». – «А мне что – опт, не опт? Приедут за медом, обещаю! У меня знаешь сколько знакомых?» Ут-

кин действительно знал, кто может заинтересоваться медом, и считал своим долгом отплатить этому умелому и доброму мужику за услугу. «Ну, раз так – подтягивай», – сказал Костян Матвеевич. Новые знакомые ударили по рукам – и тут произошло событие, которое перевернуло в журналисте Уткине устоявшееся мнение о серости жизни в русских селеньях.

В дом осторожно постучали, и в дверь террасы медленно просунулась, словно ожидая удара пыльным мешком, голова Альбинки. Она, конечно, была в фартуке.

– Костян, я пришла. Ты один? Там джип какой-то на дороге встал. И колеса на нем нет.

– А, Альбинка! Вот, гость у меня, видишь? Сейчас не приму, приходи через полчаса.

– А Ольга говорит, у нас время четкое: одиннадцать часов. Обронив эту фразу, простодушная Альбинка никак не могла знать, что Матвеевич гость – журналист, и с профессиональным чутьем у него все в порядке. Уткин насторожился, но вида, конечно, не подал. А Костян Матвеевич от такой Альбинкиной прямооты негодующе привстал с табуретки и выпалил:

– Что, прямо сей секунд я тебя тут разложу?

Уткин насторожился еще больше и отвернул взгляд в сторону.

– Ладно, зайду через полчаса.

Альбинка, задрав нос, закинула в рот леденец из фартука,

выплыла лебедем на крыльцо и исчезла.

– Чего ей надо-то? – полюбопытствовал Уткин.

– Да очередь ее сегодня. Чекрыжить буду ее.

– Что значит «чекрыжить»?

– Ну, тово... В половом смысле.

– Не понял... А, понял. А что значит «очередь»?

Ну, Костян Матвеевич все ему тогда и выдал.

«Вот оно, слава тебе, господи! Наконец-то! Вот будет передача! Вот будет рейтинг!» – эта мысль прямо громом поразила Уткина. Еще раз поблагодарив Матвеича, водрузив колесо на джип и уехав, Уткин размышлял за рулем, что ему теперь конкретно делать. «Повидать Веронику Кузьминичну, и чем скорее, тем лучше. Спрошу, остались у нее деньги на телепроект или нет. Если даст – надо команду в Лопухи заряжать. Оператор с камерой, свет, гример... или ладно, гример не нужен. Я ведущий. Я же режиссер. Я же и продюсер. Это не вопрос. Кстати, помирилась она с мужем? Раз-узнать надо. Что-то она тогда, зимой, говорила про «отомщу»...

В этот же день Уткин сидел в знакомом кабинете.

– Представляете, Вероника Кузьминична? – начал он.

Рабочее время заканчивалось, ветерок из окна романтически колыхал тюлевую занавеску, и неудивительно, что Мухина пребывала в хорошем настроении.

– Здрóрово. Что-то давно не заглядывал. Весточку какую принес?

– Вы сейчас грохнетесь, когда расскажу. Сколько у вас времени?

– Говори, время есть. После тебя никого не жду.

Мухина подвинула к себе телефон и нажала кнопку громкой связи.

– Надь, в приемной еще кто-нибудь есть?

– Нет, Вероника Кузьминична, – раздался из динамика голос секретарши.

– Хорошо. Тогда и сама можешь идти.

– Ой, спасибо, Вероника Кузьминична! Спасибо!

– До завтра.

Мухина встала из-за стола, подошла к полке с книгами, отодвинула объемистый географический атлас России и из образовавшейся пазухи извлекла початую бутылку армянского бренди. Она всегда пропускала рюмочку-другую после работы.

– Хочешь, Степа? Или ты за рулем?

– За рулем, но рюмочку выпью.

– Ну и отлично. Давай по одной – и рассказывай, что там у тебя.

Выпили, и Уткин начал.

– Проезжал я сегодня мимо Лопухов, это к югу от города, знаете?

– Знаю, кто ж не знает. Я местная все-таки.

– Так вот, там ситуёвина – не поверите! Живут три мужика возрастом под пятьдесят и четыре бабы – им уже *за* пять-

десять. Два мужика не в счет: горькая пьянь, да и в деревне живут только зимой, с весны по осень на стройках шабашат. А вот последний, Костя, или Костян – так его там зовут, – он самый молодой и регулярно по графику всех бабкок пялит.

– Не может быть! – оторопела Мухина, и в глазах у нее зажегся интерес.

– Может, может! Я только что оттуда. Лично наблюдал. Не сам процесс, конечно. Я видел, как одна в дом к нему как раз за этим приходила. Бойкая такая старушенция, причем на свиданку явилась в фартуке. Так, будто спичек коробок занять между делом. Оторвалась как будто от плиты и зашла. Ну а с другой стороны – откуда там у них этикет? А он ей велел погулять. Я у него на террасе в тот момент сидел: не при мне же! Так я что подумал: вот бы под эгидой вашего комитета передачу снять про них, про всех! А еще лучше цикл! Представьте: один! четверых! И все от неустроенности. Вы же тогда, зимой, говорили, что если я остренькую затравку предложу – найдете деньги под это дело. Пожалуйста, вот вам серьезная социальная проблема. Серьезнейшая! И какой колорит!

– Вспомнил, милый мой! Зимой-то они у меня были, а сейчас сплыли. Все же просят, ё-моё! Подожди, не пойму я. Это ты на такую тему хочешь для широкой аудитории снимать? С чердака упал, что ли?

– Да вы не рубите сплеча, Вероника Кузьминична! Подумайте! Таких тем у нас еще никто не поднимал. И не под-

нимут в ближайшее время. Главное-то, что налицо? Обездоленность, даже не в материальном смысле, а в человеческом. У нас ведь как привыкли показывать? Вот, пожалуйста, развалилась еще одна деревня. Жить там остались единицы, денег ни у кого нет... Везде одно и то же. А здесь проблема наисерьезнейшая: нехватка спутника жизни и как следствие неадекватное поведение женщин. И вот мы, только мы повернулись лицом к маленьким забытым людям и говорим об их беде во всеуслышание. Знаете, какой интерес это вызовет?

Мухина нахмурилась и долго молчала.

– Да... А ты это благородно, без сальностей, подать сумеешь?

– А как же! Телепередача все-таки. Для широких масс. Но проблему тем не менее поставлю остро. И вместе с тем по-умному. За это меня и ценят. Я не хвалюсь, вы сами знаете. Помните репортажи, которые я для вас делал?

– Хорошо. Сверстаем новый бюджет – я тебе отстегну, а пока подождать надо, – нехотя согласилась она. – Тогда рассказывай подробнее: как там это все у них сложилось?

Необычность темы Мухину заинтересовала. Уткин это понял по ее поведению: она машинально, не спрашивая, налила еще по рюмке.

– Ну, слушайте, – сказал он. – Все тамошние старушки по разным обстоятельствам и в разное время лишились мужей. Чтобы самим работу нормальную найти и место жи-

тельства сменить – видать, запала не хватило. Не смогли себя перебороть. Остались в своих Лопухах. Но природу не обманешь! Первой к этому Костяну стала приглядываться некая Ольга Иванна. Я ее, правда, не видел, но увижу обязательно. Почему именно к Костяну – тут двух мнений быть не может. Он мужик положительный, работающий. Почти не пьет. Не люблю, говорит, когда себя перестаешь контролировать. Говорит, что может изредка поприбавлять с теми двумя – ну, шабашники которые, – да и то для проформы. Чтобы не думали, что он заносится. Мастер на все руки. Колесо мне починил – что комара прихлопнул. За шесть секунд! Улы у него, медом торгует. Я, кстати, обещал ему на мед новых клиентов сосватать – вот и будет повод заглянуть еще разок-другой, чтобы лучше понять картину и со всеми познакомиться.

Мухина заерзала на стуле.

– Это я поняла. А секс-то как организован? Я его про самое интересное – а он мне про улы!

– Да очень просто. Приходят они к нему то ли через день, то ли через два, молча одежду с себя скидывают – и на топчан. Он их по-рабочему оприходует – и, как говорится, до следующих встреч в эфире.

– И что, справляется с четырьмя?

– Да он здоровый мужик. Меня старше, может, лет на пять. Главное, он все это как-то покорно воспринимает. Ну не сvezло, говорит, моим землячкам в жизни – кто теперь

им поможет? Вот я и помогаю чем могу, пока здоровье есть. Они довольны – и ладно.

– Странный мужик. Это если я, например, к нему попрошусь – он и меня туда-сюда?

– Вполне возможно. Кстати – извиняюсь за личный вопрос, но раз уж вы сами зимой про Таиланд рассказали, – не могу не задать. Вы с благоверным своим помирились или все враждуете?

– Враждуем. Знаешь, Степа, я его принять-то готова, внутри перегорело уже. Но пока то же самое, что и он, не сделаю – в смысле, с другим не пересплю – не прощу. Такой у меня характер. Не хочу, чтобы об меня ноги вытирали, понимаешь?

Вероника Кузьминична на удивление легко перешла на обсуждение этой неловкой темы: то ли от спиртного растормозилась, то ли просто наболело. С подругой ведь не с каждой такое обсудишь: злорадствовать начнут! А Уткин – он свой. Знакомы много лет. Уткин – никому. А то, что журналист, даже в плюс. Знает людей, может, совет полезный даст. Она налила себе третью рюмку и вопросительно вздернула подбородок на собеседника. Уткин закрутил головой и отодвинул свою хрустальную емкость в сторону.

– Ах, да, ты за рулем. Ну вот, так и живем порознь. Я хоть сейчас готова ему той же монетой отплатить, да и назад позвать. И все у нас срослось бы. Но если с кем-то из местных – это огласка, сам понимаешь. Курск – город маленький. Нач-

нут судачить: председатель комитета спит хер знает с кем; муж-то что у нее прокололся – это ладно: все они, кобели, одинаковые, – а тут уважаемая женщина, и на тебе! Мне-то плевать по большому счету, но... Что-то мешает. Да и за место, сам понимаешь, боюсь.

– А если любовник не из Курска будет? Вы бы пошли, предположим, на такой вариант – с этим вот Костяном? Тогда могила: никто не узнает. Может, вам встречу с ним в Лопухах устроить? А что? Решите все свои противоречия. Или я не так вас понял? – высказал свои предположения Уткин, ерзая на стуле.

– Ой, сама, друг мой, не знаю, куда меня несет. Выпила и буровлю. Я уж думала-думала... Если ты про это... Ну да. Мне не надо никакой романтики, чувств каких-то. Как говорится, свидание – и до свидания. Ладно, сменим пластинку. С передачей решаем так. Появляются деньги – я тебе звоню и вместе едем в Лопухи. Потихоньку можешь готовиться. Распиши мне сценарий, в общих чертах хотя бы. Мне же отчитаться надо, на что деньги пойдут. И смету готовь. Сколько надо на цикл передач?

– Да пару миллионов как минимум.

– Понятно, что не тысяч. А точнее?

– Сейчас ответить не готов. Надо просчитать. Но сумма будет разумной. Я наглеть не собираюсь. Мне главное, чтобы результат хороший получился. Представляете? Это будет бомба, а не передача!

– А как назвать хочешь? Не думал еще?

– Думал. Рабочий вариант – «Куряне и хуторяне».

– Странное название. Причем здесь куряне-то?

– Ну, куряне – это мы. А название звучное и в рифму. Главное, чтобы зрителя зацепило. К тому же – кто рассказывает про деревню? Мы, куряне. Снимаем передачу о жизненном укладе хуторян, анализируем...

– Да какие они хуторяне? Хутор – это дом-два где-нибудь на отшибе, а тут деревня целая!

– Все равно по смыслу близко. Деревня-то заброшенная. Значит, на отшибе. Главное, все в рифму и хорошо запоминается.

– Ладно, называй как хочешь. Я тебе тут не советчик. Автор у нас ты... Мне, в конце концов, важно, чтобы ее смотрели, чтобы отчитаться за средства и чтобы видно было: Мухина работает и ее волнует человеческая неустроенность в любом виде.

– Все организуем, Вероника Кузьминична.

– Да, вот еще. Ты мне стоимость эфиров в смету не включай. Мне любой местный канал бесплатно разместит. Не откажутся. Это важная общественная проблема. И потом, чтобы в титрах было: «Спонсор передачи – Комитет социальной защиты и опеки города Курска, тра-та-та. Мою фамилию упоминать не обязательно».

– Сделаем, Вероника Кузьминична. Давайте через неделю я пришлю вам предварительную смету. По факсу или как?

- Лучше по факсу, я почту свою читать не успеваю. Тем более факс – официальный документ.
- А все-таки Костян Матвеевич – то что надо вариант! Подумайте! – подмигнул на прощание Уткин.
- Все, пиздуй домой, – Мухина хмельно улыбнулась. – Предлагаешь всякую ересь! Чтобы про разговор этот – никому.
- Обижаете, Вероника Кузьминична.

IV

Хоть в устной форме сделка и состоялась – разговор был в августе, – прошел почти год, прежде чем деньги удалось изыскать. Уткин давным-давно выслал Мухиной смету, договорился с телевизионщиками, а она все тянула. «Степа, нет денег, – говорила она раз за разом по телефону. – Ты не теряй с ними контактов. Заезжай туда, держи руку на пульсе. А то если в Лопухах что-то изменится – прощай твоя передача!»

Уткин и сам это прекрасно понимал. Через пару недель после первого визита – вынужденного, из-за колеса – он привез к Костяну Матвеевичу, как и обещал, покупателя меда из Курска. Бизнесмен тот владел в городе сетью точек розничной торговли и взял сразу пять фляг, чтобы протестировать, как пойдет новый продукт в его магазинах. Костян Матвеевич остался очень доволен такой крупной сделкой. Но, как человек себе на уме и скупой на эмоции, только и сказал,

когда клиент уехал и они остались вдвоем: «Ну, Степан! Ну, удружил!» И поставил на стол бутылку дорогой водки. «Это для разгона», – сформулировал он.

Уткин остался ночевать у Матвеича, причем вовсе не из-за того, что они сильно заложили за воротник и он боялся последствий езды в нетрезвом виде, – нет. Уткина и его джип знали все гаишники, и проблем с ними не возникло бы никаких. Просто он понимал, что как можно скорее должен стать Матвеичу если не другом, то хотя бы хорошим знакомым; рассказать ему, а за ним и бабкам о своей передаче, – выражаясь журналистским языком, пролоббировать проект среди самих его участников. А без согласия главного героя передачи, Костяна Матвеевича, идея теряла всякий смысл. В тот вечер, коротая время за беседой под нехитрые деревенские тосты, Уткин понял, что задачу ему решить предстоит нелегкую. Дело превращалось в какую-то бесконечную цепочку. Сначала нужно заразить идеей самого Матвеича. Причем вот так, нахрапом, раскрывать карты нельзя, – ведь видятся они всего второй раз. Надо выждать время. Идея с телепередачей должна всплыть, когда они станут более дружны. Далее, уже через Матвеича, пока совершенно неясно, как – надо переговорить со всеми четверьмя бабками. А бабки... Что бабки? Они в самом зародыше разговора на такую щекотливую тему заявят, что это позор – выступать в роли кур, которых топчет один-единственный петух. Как ни крути, картина именно так и выглядит. Нельзя сбрасывать со счетов и Лысого

с Виталиком. Если Мухина даст денег и можно будет ехать в Лопухи при согласии Матвеича и бабок сниматься – никто не гарантирует, что два этих опасных типа в съемочные дни будут где-то на стройке. Представим, что они торчат здесь, в Лопухах. Увидев караван машин с аппаратурой, они стопудово припрутся и начнут выяснять, что да как, да почему их тоже не пригласили. Ведь они полноправные жители деревни! Раз передача про социальные проблемы, про недостаток мужчин в их селении – у них тоже есть что сказать! Например, что их игнорируют, хотя они не прочь составить компанию Матвеичу. А он один, сука, прибрал всех бабок к рукам. А если оба еще и пьяные заявятся – тогда вообще жди скандала... Их надо тогда, что ли, загодя напоить, чтобы вообще на ноги встать не могли, или прямо на съемочной площадке обезвредить... А как их обезвредить? Избить? Кошмар! Голову сломаешь!

Проработку главной темы в тот вечер Уткин все-таки затеял, но издалека. Он попросил Матвеича рассказать про прошлое Лопухов, когда народ еще здесь жил и работал; какие профессии были самыми востребованными, как свободное время коротали и почему все в конце концов уехали. Костян Матвеевич, хоть и был мужиком закрытым, отвечал охотно, ведь тема про родные места всегда греет. Поговорили о многом, и после застолья Уткин – это было уже что-то! – узнал судьбу всех четырех поселенков – Ольги Ивановны, Прасковьи, Зинаидки и Альбинки.

– Рассказать бы людям про вашу необычную деревню, – сделал он пробную попытку, прежде чем отправиться спать в комнату, где ему постелил хозяин.

– Да что же в ней необычного? – удивился Костян Матвеевич.

– Сам знаешь, – подмигнул Уткин.

– А, это! – диковато хохотнул его собеседник. – Ну, это слишком! Срам! Вокруг все коситься начнут, будто мы прокаженные.

– Ладно, время позднее, – тяжело вздохнул Уткин, получив ожидаемый ответ.

– Поговорим еще. Если в гости как-нибудь заеду – пригласишь?

– Спрашиваешь, ёх-тибидох! Рад буду. Скучно мне тут, а с тобой посидеть интересно, кхе-кхе, – издал неловкий смешок Костян Матвеевич.

Наутро Уткин уехал.

Канитель с выделением средств, как показало время, сыграла Уткину только на руку. Выдай Вероника Кузьминична деньги именно тогда, когда Уткин нанес ей последний визит, – никакой передачи бы не получилось. Уламывать Костяна Матвеевича, а самое главное, бабок – Уткин не зря боялся, что они заартачатся, – пришлось очень и очень долго, аж до следующего лета. Но Уткин не был бы хорошим журналистом, если бы действовал на авось. Он частенько появлялся у Матвеевича, и ночевать у него оставался – и вот как-то раз

механизм сработал. На дворе стояла осень. Уткин проснулся в своей гостевой комнате от женского голоса: к Матвеичу «за этим делом» пришла очередная клиентка. Что это была не Альбинка – точно: ее голос Уткин помнил. Он взглянул на часы: конечно, одиннадцать утра! Проспал! А в городе еще дела! Накануне они хоть и засиделись допоздна, но чтобы вот так разоспаться – это слишком. Но нет худа без добра, подумал Уткин. Раз так вышло – может, сегодня и удастся «раскрутить колесо истории».

Уткин решил не подавать признаков жизни, тем более что Костяну его общество было сейчас совершенно ни к чему. Да и вариант, что Матвеич попросит его выйти на улицу во время «сеанса», тоже исключался. Ему бы и в голову не пришло прогонять гостя, ведь Уткин знал, что Костян Матвеевич относится к бабкам как к рабочему материалу и считает секс с ними подобием производственного процесса. С тем же чувством он мог высморкаться или за ухом почесать. Когда топчан в комнате Матвеича мерно заскрипел, Уткин стал обдумывать, что ему предпринять, когда процесс закончится. Ведь это первая возможность установить контакт с женским населением. Давнишний приход Альбинки, когда Уткин еще ничего не знал про пикантные отношения односельчан, не в счет. Надо уже сегодня завязать разговор и вовлечь в него незнакомку, а главное – расположить ее к себе. Так, глядишь, и удастся перейти к более сложной задаче. «Потихоньку, полегоньку – глядишь, и уломаешь», – пробежа-

ло у него в голове. Скрипение длилось минут пять, потом из комнаты Матвеича донесся коровий стон, и буквально через секунды в коридорчике послышались шаги: женская поступь была легкой и проворной, а та, что за ней, мужская, грузнее и тяжелее. «Так быстро с топчана спрыгнули? Наверное, и одежду с себя не снимали», – отметил про себя Уткин. Когда пара удалилась на кухню, прикрыв за собой дверь, он еще не знал, что делать, однако вышел из своего убежища и громко сказал:

– Костян, ты часом не на кухне? Чайком не угостишь?

– А, проснулся? Заходи, заходи! – прозвучало в ответ.

Уткин, застегивая крючок на старых брюках – их он теперь одевал крайне редко, например, на такие поездки как в Лопухи или дома в магазин, но выбрасывать было еще жалко – вошел в кухню и с деланным удивлением взглянул на новую бабуку, будто не подозревал, что у Матвеича гости.

– Знакомьтесь, – сказал Костян Матвеевич. – Это мой друг Уткин Степан, журналист из Курска, – а это вот Прасковья.

Подсохшая пожилая женщина, вполне возможно, привлекательная в далеком прошлом, пристыжено кивнула.

– А мы тут чай затеяли по-соседски! Садись, садись, Степа, – пригласил Матвеич и выдвинул из-под стола табуретку. По предельно обыденному поведению хозяина, без неловких пауз, отводимых в сторону глаз и прочих штучек было ясно: его не колышет, знает Уткин про случку или нет.

Уткину в то утро улыбнулась судьба. А как без нее? Без нее и не было бы всей этой истории! Произошло следующее: он бодро подошел к табуретке и размашисто сел. Раздался короткий треск, и Матвеич с Прасковьей обомлели: из-под разодранного шва, что скреплял обе брючины под шириной, вылезли на всеобщее обозрение Степины голубые «боксеры» с рисунком.

– Ой! – вскрикнула Прасковья, прикрыв рот ладошкой.

– Вот это да! – охнул Костян Матвеевич. – Для знакомства самое оно!

Уткин посмотрел на брюки и инстинктивно сжал ляжки. Первой опомнилась Прасковья: в таких ситуациях женщины всегда быстрее соображают.

– Что ж делать-то? Вам же в город, наверное, ехать!

И для подтверждения своей догадки взглянула на Уткина.

– Ехать! – подтвердил тот. И, быстро смекнув, соврал: «А у меня еще важная встреча сегодня, прямо от вас туда собирался. Защить бы! Хотя символически, чтоб только держалось. Сможем?»

Прасковья под одобрительным взглядом Матвеича засуетилась, встала из-за стола и сказала:

– Ой, я сама-то плохо шью, а вот Зина, моя соседка, сможет. Или Ольга. Сходим к ним? Или сюда позвать?

И она опять взглянула на Матвеича, ища ответа.

– Да сама сходи, – сказал Матвеич. – Куда он в таком виде? Дал бы я ему свои штаны, у меня их завались, да они

на него не налезут: ляжки-то вон какие. Зови-ка лучше Ольгу Иванну. Или Зинаидку. Или пусть обе приходят. Расскажи толком, в чем дело, чтобы взяли весь инструмент, — а то будете потом ковылять по избам: то забыли, сё забыли...

Пока Прасковья навещала соседок — обе, узнав, что гость Костяна Матвеевича порвал штаны и нуждается в помощи, причем не просто гость, а живой журналист из облцентра, были готовы немедленно явиться, — Уткин стянул с ног пострадавший предмет гардероба и повесил на стул.

— Матвеич, холодновато мне будет в одних трусах сидеть. Осень уже. Да и перед бабками неудобно. Дай хоть треники какие или плед, — попросил он.

— Сейчас найду что-нибудь. Лови, ёх-тибидох, — сказал Костян Матвеевич, вернувшись из своей комнаты. И в Уткина полетели объемистые ватные штаны для сельхозработ.

— Спасибо. Уткин напялил Матвеичевы штаны, которые подошли по ширине, но в длину оказались маловаты.

Бабки явились скоро. Первой в кухню вплыла необъятная грудь Ольги Ивановны. Ее фигура съела чуть ли не все пространство, в кухне даже малость потемнело. Деловито и бодро оглядев Уткина, она сказала:

— Здравсье. Ольга. Как же это вас угораздило?

Сделав несколько шагов вперед и освободив пространство позади себя, Ольга Иванна дала войти и Прасковье с Зинаидкой. Последняя, будучи еще не представленной, выглядела растерянно и озабоченно.

Костян Матвеевич, не дав Уткину ответить на приветствие, сам соблюл формальности и произнес:

– Давайте, раз уж беда такая приключилась, я вас познакомлю без выкрутасов, по-бырому. Это Степа Уткин, мой друг из Курска, журналист, а это Ольга Иванна – Ольга Иванна заулыбалась и поправила челку – и Зинаида вот.

Зинаидка очень похожа повадками на Прасковью, заметил Уткин, видя, как та пристыжено закивала. Обобщая в уме первые впечатления, он был готов поспорить, что еще какой-то десяток лет назад все эти трое были очень даже лакомыми кусочками.

– Ну и что мы имеем? – спросила Ольга Иванна. Покажите брюки-то. И поставила на стол жестяную коробку, из-под крышки которой свисали разноцветные нитки.

– Да вот же они, – Уткин протянул ей брюки. – Я на табуретку сел – они и лопнули по шву.

– Батюшки! – произнесла, вертя в руках брюки, Ольга Иванна. – Ткань-то старая совсем. Тут даже шов не восстановишь. Глянь, Зинк!

Брюки перекочевали к Зинаидке. Та внимательно оглядела место, где раньше был шов, и робко сказала:

– Я могу только заметать вручную, на машинке не получится. Ткань держать не будет. Прасковья сказала, у вас важная встреча какая-то?

– Ну да, – опять соврал Уткин.

– Если пиджак сверху надеть – видно не будет. Я ниткой

в цвет попаду – и не будет видно. Даже и без пиджака, наверное, не заметят. Только вы ноги в стороны не расставляйте, если на стул сядете. А стоя – так вообще не заметят.

– Правда?! – изобразил радостное удивление Уткин. – Вот вы меня обяжете!

– Долго зашивать? – спросил Зинаидку Костян Матвеевич.

– Чтобы хорошо – час, может, дольше...

– Лады. Садись к окну, там посветлее, а мы чайку попьем, а, бабы? Степан?

– Хм... Тогда и Альбинку зовите, раз такое дело, – постановила Ольга Иванна. Собираться – так уж вместе.

– Пойду ее крикну, – предложила Прасковья, будто стремясь загладить вину за свой визит к Матвеечу, хотя по графику имела на него полное право. – Тем более у меня-то чай налит, вернусь да и подогрею, а вы себе тут сами, да, Костян?

– Разберемся, разберемся. Иди. И без Фартука не приходи! – пошутил хозяин.

...Когда в кухне появились Альбинка-Фартук с гонцом Прасковьей, Уткин уже властвовал над умами новой компании, – вещал о журналистике.

– А, здравствуйте, – кивнул он вошедшей.

– Я вас помню, – заносчиво, как и в первый раз, ответила Альбинка. – Говорят, у вас с одеждой что-то стряслось.

– И я вас помню. А с одеждой – вот, помогают уже. Надеюсь, все будет в порядке, – Уткин кивнул на Зинаидку, ко-

торая на руках обметывала шов. – О чем я говорил? – Уткин вновь обратился к сидящим. – Да! Зарубите себе на носу: Уткин – фамилия чисто журналистская.

– Да как Уткин может быть журналистская? – закипятилась, вернувшись к спору, Ольга Иванна. – Птичья! Чисто птичья.

– А вы подождите. Знаете, что такое журналистская утка?

– Не знаем, университетов не кончали. Что-то слышала. Новость необычная, что ли?

– Правильно! Новость! – покосился Уткин на ходящую ходуном грудь спорщицы.

– А этимологию этого выражения знаете?

– Чего? – нахмурилась Ольга Иванна.

– Объясняю. Вернее будет так: скандальная новость, – закончил мысль Уткин. – А этимология – это значит, откуда то или иное слово, а в нашем случае выражение, произошло. Вот Матвеич у нас наверняка на охоту ходил. Да, Матвеич?

– Не ходил, но знаю малость про охоту. А сам не охотник.

– Ну, а что такое подсадная утка, знаешь?

– Так кто ж не знает? Знаю, конечно.

– Для чего ее запускают? Для чего в болото подсаживают?

– Чтобы других подманивала. Она крикает – а другие, что по кустам и камышам прячутся, к ней подлетают. Знакомятся, что ли, буй их знает. Тут их из ружьишка-то дробью – шлеп!

– Исчерпывающий ответ! – похвалил Уткин. А в журна-

листке «запустить утку» означает разместить в газете или сообщить по телевизору какую-нибудь скандальную новость, чтобы привлечь читателей или зрителей. Чтобы новость все подряд обсуждали, хотя скоро выясняется, что это вранье и туфта.

– А для чего же вранье запускают? – не унималась Ольга Иванна.

– Это называется привлечь внимание нечистыми средствами. Как у нас в народе новости расходятся? Одна, допустим, говорит другой: «Сегодня в „Курском листке“ – такой газеты нет, это я так, для примера название выдумал – напечатали, как водяной у нас в области утащил молодую девушку. Читала?» Другая говорит: «Не-а, не читала. И что девушка? Утопла?» – «Нет, через месяц забеременела!» – «Надо же! Брехня! В „Курском листке“, говоришь? Пойду куплю!» Есть масса подобных новостей. А на поверку оказывается – вранье. Но дело-то сделано! Та, которой рассказали про водяного, пошла и купила газету. Заплатила деньги. И сколько таких простаков? Тысячи! Что с этого имеет газета? Рост тиража и навар. Вот и говорят: запустить журналистскую утку. То есть привлечь к себе массовое внимание. Все очень просто.

– Ишь, ё-моё, какие вы ушлые! – сказала, негодуя, Ольга Иванна. Кому ж верить теперь?

– Ну, это не все так делают, – успокоил ее Уткин. – Я к чему все рассказываю-то, помните? Что Уткин – это чисто жур-

налистская фамилия. А вы говорите – птичья!

Вся женская четверка рассмеялась.

– Здоров ты, Уткин, шутить, – потирая с улыбкой подбородок, сказал Матвеич.

Уткин, добившись всеобщего расположения и поняв, что сейчас самое время, решил запустить еще один пробный шар про свою передачу. На сей раз при всем честном народе.

– Шутить я люблю, да вот только не о вашей жизни. Жизнь-то у вас невеселая, – окинув взглядом присутствующих, начал он. – Я у Костяна гощу не первый раз, многое он мне рассказал.

– Что? – насторожившись, спросила Ольга Иванна.

– Что, что? Скучно у вас здесь – раз...

– Ну да, не в городе живем, но это дело поправимое, – облегченно выдохнув, пустилась в объяснения Ольга Иванна. Днем по хозяйству, а вечером... Вечером новости смотрим, сериалы, кино. Телевизоры у всех, слава богу, есть. Книжки, журналы... Мало, что ли?

– А где самое главное? Мужей-то нет! Это что, не в счет? Ведь женщина по природе кто? Хранительница очага. А очаг у вас ненастоящий, чисто женский!

Бабки встrepенулись. Вопрос задел их за живое. Правда рано или поздно должна была выплыть наружу. Замалчивать ее дальше не было смысла. Однако Альбинка-Фартук, боясь коснуться главного, еще попробовала потянуть резину:

– Ха, есть у нас мужики, аж трое! Вам Костян про Шурку

с Виталиком говорил?

– Говорил. А еще говорил, что они живут здесь набегам, только зимуют. И вообще не жили бы, если бы на зиму стройки не замораживали. Да и какая у них жизнь? Пропить, что заработали – и прости-прощай. Вы ведь ни одного из них в мужья не возьмете, правильно?

– Что правда, то правда, – нахмурилась Альбинка.

– Ну и что тут веселого? Вы ведь не старые женщины. Привлекательные. Я могу телепередачу про вас сделать. На весь Курск вместе с областью прогремите! Пусть люди знают о вашей беде. Я уверен, есть полно мужчин без женского тепла. Они обязательно откликнутся, познакомиться приедут. Вот как надо действовать! По-современному!

Бабки с тоской повернули головы в сторону Костяна Матвеевича.

– А больше он вам ничего не говорил? – с подозрением спросила Ольга Иванна.

Уткин бросил взгляд на хозяина.

– Да скажи, чего уж там, – буркнул тот. – Я вот его сейчас послушал... И раньше с ним судачил об нас обо всех, чего уж там... Может, правда сняться нам в передаче? Пусть видят, какие у нас... перегибы.

– Что, кобель, переутомился, что ли? – Ольге Иванне стало ясно, что их общий суженый давно все рассказал Уткину. – Осрамить на всю область хочешь? А может, и того хуже? На всю страну?

– Ольга, успокойтесь, – невозмутимо продолжил Уткин. – Мы, журналисты, поднимаем самые разные темы, злободневные и острые. Для вашего же блага, между прочим.

– Ладно, ты... Вот вы сами-то женаты? – спросила она.

– Женат.

– И детишки есть?

– Есть. Двое. Школу заканчивают. Поверьте, я знаю женщин. И что такое женское одиночество, знаю. И еще знаю, что ваше положение можно и нужно поправить.

Уткин, сказав все, что думает, не ожидал, что его активно, делом, поддержит Костян Матвеевич. Выслушав Уткина, хозяин крикнул, махнул рукой и, перешагивая через порог кухни, сказал:

– Чую, Степ, уперлись они рогом. Такие вопросы подмазки требуют. Глухо звякнув в коридорчике стеклом, он вернулся с бутылкой водки и двумя крепленого вина. Поставив угощение на стол, Костян Матвеевич изрек:

– Вот так мы их подмажем.

И действительно, бабки как-то сразу оживились. Зинаидка даже шитье в сторону отложила, а Прасковья, подойдя к буфету, шустро достала толстые рюмки из матового стекла и расставила их на столе.

– А чего, правда, клюкнем, бабы! – выпалила Альбинка. – Уже год вместе не собирались!

– Правильно, – закивал Матвейч. – А то «кобель», «кобель»... Мне вас тоже жалко. Живете как неприкаянные...

Да и я не вечный. Вот человек, известный журналист, – глядишь, всем нам и поможет. Ты выпьешь, Степ?

– Мне же ехать, – запротестовал было Уткин. – А, черт с ним, наливай!

...Нет смысла приводить всю их беседу – она затянулась до самого вечера, – но лед тронулся и результат Уткин получил. Бабки, захмелев, согласились: бояться, что про их неустроенность с мужчинами узнают тысячи людей, нет смысла. Пусть знают. Непонятно, правда, чем все это дело обернется, но поднимать вопрос пора. Ведь очень может быть, что и в других деревнях творится нечто подобное. Если взяться за все профессионально и с размахом, результат не заставит себя ждать. Посиделки раскрутились на всю катушку, за окном давно стемнело, а Уткин под воздействием водочных паров продолжал давить на психику, убеждая бабок: «Я вот вам сейчас приведу высказывание из жизни древних. Оно звучит так: ты станешь звездой, только если до этого исцарапаешься о тернии. Я цитирую не совсем точно, потому что я выпивши. Но мысль, надеюсь, вы поняли».

Зинаидка, кстати, зашила брюки на удивление хорошо. Уткин примерил, обследовал аварийное место и сказал: «Как новые!», после чего поблагодарил Зинаидку душевно; они даже выпили на брудершафт под всеобщее улюлюканье, аплодисменты и шутку Ольги Ивановны:

– Ну, Зинка, повезло! Теперь, считай, у тебя хахалей двое! Под конец все бабки перешли с Уткиным на «ты», а перед

самым отбоем – куда же ему было ехать в таком состоянии! – едва не дошло до неприличия. Сейчас уже и не вспомнить кто, вроде бы Альбинка, собираясь домой, в порыве чувств бросила: «А хочешь, Степа, пойдем ко мне ночевать». И интересно, что все остальные, включая Костяна Матвеевича – который и помышлял ревновать, – даже глазом не моргнули: пожалуйста, милуйтесь себе на здоровье. Только Ольга Иванна на правах главной встряла:

– А почему вдруг к тебе? – напустилась она на Альбинку. – Пусть выбирает. У нас все на общих основаниях. Или тебе мозги прочистить?

Но Уткин проявил себя молодцом. Хотя после выпитого бабки и стали казаться ему львицами, с которыми не грех хоть в огонь, хоть в воду, хоть в койку; хотя он и был совершенно очарован грудью Ольги Ивановны и пялился на это чудо весь вечер, – он нашел в себе силы отказаться от соблазнительных предложений и остался у Матвеича. Отказался он пусть и по-пьяному витиевато, но все равно твердо, и разом положил конец распрям:

– Если я сейчас это сделаю, то впоследствии не смогу подойти к освещаемой проблеме объективно. Пострадает качество передачи. Обязательно воспользуюсь приглашением в другой раз.

Утром, еще не поднявшись с постели и вспомнив, как вчера провернул дело, Уткин самодовольно заключил: «Тебе бы в Москве или вообще в зарубежных СМИ работать. Ловко

все обставил! И вашим, и нашим! Молодец, Уткин!»

За легким завтраком – ибо плотная пища с похмелья не шла – Костян Матвеевич ему пожаловался:

– Что-то пить я стал часто и помногу, Степ. Все из-за тебя с передачей твоей.

– Да брось ты, Матвеич! А чем сейчас занимался бы? Сезон медовый у тебя кончился? Кончился. Клиентов новых я тебе подтянул? Подтянул. Сколько – двух, трех? Забыл уже.

– Трех.

– Ну вот, они и в следующем году приедут. Мед твой хвалили? Хвалили. Значит, летом, кому его сбавить, проблем не будет. А сейчас зима на носу, Новый год, Рождество... Отдыхай! Нароботаешься еще! Ты вот что лучше скажи: правильно я с твоими бабками говорил вчера? Поняли они меня? Я же от души...

– Правильно, конечно. Жалко их. Да и я – что я им, кролик, что ли? Пользуются, это... как проститутотом. За спасибо, ёж их мать.

– Вот и я к тому же. Разрубить надо этот узел. А выход – вот он: народ передачу увидит и отреагирует. Думаешь, нет? Мужики потянутся. Нормальные, работающие. И бабы, почему нет? Ты, глядишь, жену себе молодую найдешь... Вы же хотите, чтобы здесь стало как раньше? Вот ты – хочешь?

– Да не думал я про это, Степ. Я больше о делах думаю. Где дощечку подтесать, где гвоздок забить, где улей подладить... А про это некогда. Короче, решено: снимаемся. Я

по первости-то не согласен был, а сейчас прозрел. Привози своих киношников. Что надо – расскажем, не осраимся.

– И большое дело для всех сделаем, Матвеич. Большое!

V

Мухина отстегнула денег только с наступлением нового лета. Уткин, чтобы держать руку на пульсе, зимой и весной регулярно появлялся в Лопухах, выпивал с Костяном Матвеевичем и чаевничал с бабками. Общих застолий, правда, больше не было, но Уткину они были и ни к чему. Бабки и так считали его за родного; каждая рассказала о своей жизни в Лопухах и каждая описала, что довело ее «до жизни такой» с Костяном Матвеевичем. Уткин, изучив их характеры и образованность, без проблем выстроил в голове скелет передачи: как и с кем делать интервью, с чьим участием брать крупные планы, что и после кого скажет в камеру Матвеич как главный герой... Стороны не просто пришли к согласию, более того: бабкам уже так не терпелось сняться и рассказать людям о своей беде, что Уткин, не имея на руках денег, вынужден был остужать их пыл и придумывать препоны, которые ему якобы надо устранить до приезда съемочной группы. Он боялся, что из-за мухинских проволочек бабки пройдут точку кипения, «перегорят до старта», изъясняясь по-спортивному, – и смажут ему передачу.

В рядовой и бесконечно длинный летний день – стояла середина июня, Уткин сидел дома и что-то писал на компьюте-

ре, не ожидая ни новостей, ни звонков – мобильник в кармане домашнего халата пропел о новой вехе в его биографии. Нажав зеленую кнопку, Степа услышал чеканный голос Мухиной: «Выдам наликком, но за каждую копейку отчитаешься, понял? Про титры о спонсоре я тебе уже говорила. Пока, естественно, это не важно. Главное – съемки. А за деньгами заезжай хоть сейчас», – подытожила она.

– Вероника Кузьминична, я своих обещаний не забываю. Помню и про титры, и чтобы ваше имя там не светилося. Я если обещаю – всегда делаю. Да вы, в конце концов, на монтаж ко мне сами можете приехать. Как скажете – так и сделаем титры.

– Ну, это я на всякий случай, может, ты забыл, – голос Мухиной чуть потеплел. У меня времени-то не будет контролировать. На монтаж вряд ли, а вот на первый съемочный день я приеду. Когда планируешь начать?

– Давайте согласуем, не вопрос! Я доведу до ума сценарий и соберу команду ровно через неделю. Устроит? Новый сценарий смотреть будете?

– Если время найду, буду. Пришли по факсу. Не успею – на месте разберемся. Как, говоришь, название? «Куряне и...»?

– «Куряне и хуторяне». Не нравится?

– Сойдет, сойдет.

И вот сейчас, когда наступила ясность с началом съемок и Уткин донес до Костяна Матвеевича это радостное известие по телефону, – с главным героем передачи, буквально на следующий день после звонка Уткина, случилось черт знает что. Матвейч нутром чувствовал, что вздутие на губе – это не просто прыщик, а что-то из разряда «всерьез и надолго»; что без вмешательства извне, может, даже хирургического, положения не исправить. «Хоть боком в эти объективы стань – видать будет. И чего я, ёхен-мохен, поддался на их уговоры?» – укорял себя Матвейч за вчерашнюю пьянку, направляясь к бане. «Расслабился, чудило, звезда, ети-мети! Вот и получи, фашист, гранату. А людей сколько подвел?»

Открыв дверь в предбанник, он обнаружил злосчастный тандем в следующих позах: Виталик лежал на полу навзничь с раскинутыми руками, а Шурка, скорчившись, полусидел на лавке, и на лысине у него играло солнце. Оба были еще в объятиях сна, но никто не храпел и не сопел: создавалось впечатление, что они вовсе и не спят, а думают о чем-то неземном.

– Р-рота, подъем! – гаркнул Костян Матвеевич.

– Му-у-у, – пробасил Шурка и мотнул башкой вниз. При этом блик с его лысины исчез.

Разлепил глаза и Виталик:

– О, Костян! Сколько натикало? Мы у тебя что, заснули здесь?

– Полдень скоро, ёханный бабай. Вылазьте, я тут убираться

буду.

– М-м... Матвейч, похмелиться есть? – выдавил Шурка.

– Да под лавкой твоей, разуй глаза! Целых полбутылки еще. Вчера героев из себя корчили, а бутыль не допили. Это я ночью ушел – и вы все дрыхли?

– А чего тут, ночь-полночь? Ты сам-то в третьем часу спать пошел. На часы глянул и говоришь: «Все, третий час, я в дом».

– Не помню что-то, – наморщил лоб Костян Матвеевич.

– Зато мы помним! – сипло хохотнул Шурка. Он поднес обретенный бутылек ко рту и запрокинул голову. На лысине у него опять задрожал зайчик. Шурка сытно булькнул пару раз, сморщился и протянул бутылку Виталику. Тот придержал щедрую руку друга, потому что смотрел во все глаза на Матвейча: его вид Виталика крайне удивил. Прищурившись, шабашник спросил:

– Чего это на губе у тебя? Ё!

– Да из-за тушенки вчерашней. Порезался тут с вами, когда открывал. Грязь, небось, попала, вот и...

– А бабки видели?

– Ольга Иванна. Она у меня сейчас. Сказала, чтобы вас выпроваживал. Надо Уткину звонить. Съёмки через неделю, что делать – буй его знает, тудыть-растудыть.

Шурка Лысый и Виталик смутно помнили разговор о некоем журналисте из Курска, который хотел снять передачу про Лопухи, и даже на какую тему помнили, – Матвейч

сам вчера и прокололся. Ну, и они – как же иначе! – тоже видели себя среди героев программы, хотя ничего экстравагантного, как Матвеич, в деревне не совершили. Но они все равно коренные лопухинцы, и права у них наравне со всеми! Не знали они лишь одного, а именно – что расчетливый Уткин загодя предупредил и Матвеича, и бабок о «нежелательности появления двух этих персонажей на съемочной площадке». Ничего дельного они все равно не скажут, а внесут в работу один только хаос, в чем Уткин был уверен. Ну а вчера Костян Матвеевич, получив радостную новость от Уткина, не удержался и сболтнул в бане о съемках, которые вот-вот начнутся – по пьяной лавочке, конечно. А Шурка и Виталик, воодушевившись, порешили, что плевать им теперь на самые заманчивые стройки. Что в ближайшее время из деревни их если кто и вытурит, то только в наручниках и с конвоем. Мало-помалу весь вчерашний разговор всплыл в мозгах у похмельной парочки. Но сейчас все их намерения Матвеича совершенно не волновали. Губа, вот что требовало немедленного вмешательства.

– Ладно, глотай – и вперед, – кивнул он Виталику, покосившись на протянутую Шуркой бутылку.

...Закрыв за парочкой калитку, Костян Матвеевич вернулся в дом и сел в кухне за стол. Приготовленный чай уже дымился.

– Проводил? – спросила Ольга Иванна.

– Да, делов-то...

– Пей чай и звони. Нечего ждать.

Костян Матвеевич сделал из чашки глоток, сморщился, с болью выдохнул, взял со стола мобильник и набрал Уткина. Чашку отодвинул в сторону:

– Горячий больно. Потом.

VII

Получив тревожное известие, Уткин немедленно выдвинулся в Лопухи. Всю дорогу за рулем он размышлял, что это еще за дрянь вскочила на губе у его главного героя. «Вот ведь, не понос – так золотуха! – бранился про себя Уткин. – Деньжищи какие выбил, а на мелочевке погоришь! Нет, выход мы найдем. Будет найден, будет выход, треугольник будет выпит, будь он параллелепипед», – мерно, в такт подскакиваниям джипа стучали у него в голове слова из песни.

Добравшись до Костяна Матвеевича, Уткин бросил машину, не поставив ни на ручник, ни на скорость – просто выдернул ключ зажигания, и все. Картина, представшая на кухне его взору, огорчила и рассмешила одновременно. Матвеевич в таком виде никуда не годился, тем более в передаче, где он должен предстать как мачо. Матвеича и без бородавки-то нельзя было назвать красавцем, а сейчас он настолько переменялся, что зритель просто не поверит, что человек с такой жутью на губе мог понравиться хотя бы одной женщине. Куда там четверем! И что тут делать: плакать или смеяться?

Уткин приблизился к смущенной физиономии Матвеича,

прищурился и с издевкой, картавым докторским голосом заговорил:

– Да-с, батенька... Богодавочка у нас. Накгывается наша пегедачка.

Ольга Иванна не поняла юмора. Озабоченно переминаясь с ноги на ногу и передавая таким образом тревогу грудям под кофточкой, она спросила:

– Может, вырезать можно?

– Вырезать-то можно, и жидким азотом прижечь можно, – заговорил нормальным голосом Уткин. – Только потом ждать придется больше месяца, чтобы след прошел. Его и не загримируешь толком. Бородавки не будет, а будет пятно вместо нее во весь рот. Что зритель подумает? А я вам отвечу, что: герой-то дефективный! И сделает вывод, как Станиславский: «Не верю!» Тем более я больше месяца ждать не могу. У меня съемочная группа в отпуск собралась, а они не в моем личном штате, они все числятся в других передачах. Я их и так еле уговорил. Получается, мы до осени прождем, а там, по осени, черта с два их соберешь: каждый у себя в передаче будет занят... Ладно, придется заговаривать.

– Что? – не поняли Матвеич с Ольгой Ивановой.

– За-го-ва-ри-вать! Не знаете, как знахари делают? Я, городской, и то знаю, и не просто знаю, а умею. Несите кусок нитки.

– Нитки у нас здесь. Еще с того раза, что брюки зашивали, – Ольга Иванна, опешив, потянулась к жестяной коробке,

так и оставленной на кухне в вечер знакомств. Открыв, она оторвала от катушки небольшой кусок черной нитки и показала Уткину:

– Столько хватит?

– Хватит. Давай сюда. А ты, Костян, садись напротив.

Костян Матвеевич поставил свою табуретку напротив уткинской и сел.

– Ольга Иванна, это процедура без свидетелей. Попрошу тебя выйти на время. Мы недолго. Ну, Костян, закрывай глаза, ничего не делай и не говори. Сиди – и тишина.

– А больно или еще чего... не будет?

– Вязать команды не было. Не будет. Закрыв!

Уткин сделал из нитки петельку и обернул ее вокруг Матвеевичевой бородавки. Набрав в грудь воздуха, зашептал что-то часто-часто – Костян Матвеевич не смог разобрать ни слова, – потом шепот прекратился и раздался приказ:

– Открывай и давай ладонь.

Костян Матвеевич увидел качающуюся перед самым носом нитку, которую держал пальцами Уткин.

– Забирай нитку и иди в сад. Выроешь маленькую ямку и туда опустишь. Никто не должен знать. Нитка сгниет, это будет дней через десять, и бородавка твоя пройдет. Как исчезнет с губы – сразу позвонишь. Все будет в шоколаде. Я поехал.

Костян Матвеевич сграбастал нитку в ладонь:

– Прямо сейчас идти? А Ольга Иванна спросит, куда, мол?

– Ольга Иванна, ты здесь? – крикнул Уткин в сторону террасы.

– Да! Вы всё? – послышался ответ.

– Заходи! Я ее отвлеку разговором, – подмигнул Уткин Матвеичу. – А ты молчи. Мимо проберешься – и в сад.

...Прошло десять дней – и нарост на губе Матвеича пропал. Будто кошка слизнула. Похоронив нитку после процедуры, Костян Матвеевич все дни из дому не выходил, разве что к ульям, и весь испереживался, что Степа обещать-то обещал – а бородавка останется на месте, и тогда кранты. Костян Матвеевич сжился с идеей сниматься. Сам себе в телевизоре уже снился. Хоть мужик он был непубличный – а вот нате, туда же. Может, бабки повлияли? Уткин, правда, предупреждал, что говорить о всенародной славе рано. Передача пойдет на местном канале и увидят ее лишь в Курске и области; о чем-то более серьезном можно говорить только при колоссальном рейтинге. Все равно, если смотреть со стороны – это же настоящий подарок судьбы! Никаких актерских курсов кончать не надо, никаких ролей учить, – встань перед камерой да знай рассказывай людям о себе. Идиллия! А он, пожадничав из-за какого-то прилипшего к крышке мяса, и бабок долгожданного семейного счастья лишил, и у Уткина любимое дитя из корыта выплеснул... «Накроется все уздой, ё-кэ-лэ-мэ-нэ», – дальше развивать мысль у него слов не хватало. Хоть душу и черви точили, все эти десять дней

он продолжал обслуживать бабок по установленному графику. Как-то поздно вечером, когда предсказанный Уткиным срок должен был вот-вот выйти, а бородавка все еще красовалась и даже не уменьшилась, Костян Матвеевич решил было залить внутреннее смятение водочкой, уже и бутылку из загашника вынул, – но голос сверху его остановил. «Грех это! – сказал ему голос.

– Мужики так не поступают!» Ну, Матвеич и не стал. А следующим утром проснулся, сунул ноги в чуни, прошлепал к умывальнику, взглянул на себя в зеркало – опаньки! – губа была абсолютно чистая. То есть ни единого намека, что на ней что-то когда-то вскакивало. Костян Матвеевич сначала подумал, что зеркало врет или, может, заколдовано и потер его пальцами. Бородавки не было. Он покусал нижними зубами то место, где она торчала еще вчера – никаких бугорков, чисто! Костян Матвеевич по-неандертальски захохотал и кинулся искать мобильник.

Звонок об исчезновении бородавки раздался у Уткина в шесть утра, причем в выходной. В выходные Уткин вставал ближе к полудню, но этот ранний звонок в хорошем смысле свел его с ума. Уткин так обрадовался, что забыл о жене, спящей рядом, и о детях через стенку. Что его побудило проорать в тот момент: «А ма-ла-до-ва-а! Лей-те-на-а-нта-а! Не-е-сли с пра-а-би-тай га-ла-во-ой!» – Уткин не смог бы объяснить даже психиатру, если бы ему устроили прием. Видимо, эта спетая совершенно не к месту песня помогла вмиг

вспомнить и забыть все, что он пережил за последнее время: и поиск темы для передачи, и визиты в мэрию, и денежную тягомотину с Мухиной, и налаживание контакта с бабками, и умасливание съемочной группы, и этот знахарский ритуал... Уткин ведь нигде не учился заговаривать бородавки; он только понаслышке знал, что такое возможно.

– Степ, как это у тебя получилось? Ты магией увлекаешься, что ли? – пытал его по телефону голос Матвеича.

– Нет, милый мой. Все получается, только когда сильно захочешь, – еще не отдышавшись от песни, ответил он. – Когда я ее заговаривал, знаешь, о чем я думал?

– Ну?

– Вслух бормотал детскую считалку – так, для отвода глаз, – а мыслил совсем о другом, и мысль эту в тебя вгонял: «Все пройдет через десять дней, все пройдет через десять дней».

– А почему срок такой – десять дней?

– А-а! Это не случайно! Мне кто-то говорил или, может, я читал – не помню, что в хорошем черноземе бумага и тонкая веревка действительно сгнивают за десять дней. Это научный факт. Я почему все так обставил, типа я магический обряд совершаю? Чтобы ты мне искренне поверил. Если больной верит в исцеление – это самое главное. Вот я тебе установку вдолбил, ты с ней жил все эти дни – и получи результат!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.